

7. Ночной поход Хейдьюка

Хейдьюк проснулся до рассвета, чувствуя знакомую боль одиночества. Все ушли. Он выполз из пухового спальника и побрел в кусты. Следил за вытекающей мочой, проверяя ее цвет, когда она, выделяя пар, падала на холодный красный песок. Хейдьюку — медику не очень-то нравился этот оттенок желтого. Господи Иисусе, не иначе как у меня песок или камень там в этой чертовой старой почке. Сколько упаковок пива отсюда до госпиталя?

Он побродил вокруг, пошатываясь, с заплывшими глазами, тяжелый и неловкий после вчерашней ночи, чувствуя себя отвратно. Почесал свой волосатый живот. Совсем недавно на нем неожиданно появилась складка жира. Безделье и жир, жир и безделье, они убивают мужчину скорее, чем женщину. Женщину? К черту! Он никак не мог изгнать ее образ; он все маячил перед его мысленным взором. Он изо всех сил постарался не думать о ней. Не смог.

Пауза. Снизу еще не доносилось ни звука. Хейдьюк собрал пару охапок хвороста, разложил небольшой костерок, наполнил водой чайник и поставил его на огонь. Высушенный солнцем можжевельник горел сильно, бездымно, ярко и жарко.

Он устроил себе ночлег на маленьком песчаном островке за гребнем горы, окруженном можжевельником и пиниями, где его не мог видеть никто, кроме птиц. Неподалеку он увидел следы колес на песке — там, где Редкий Гость Смит разворачивал свой грузовик вчера, когда взошла старая луна.

Пока закипала вода, Хейдьюк сорвал несколько можжевельновых веток и замел следы колес до того места, где они исчезали на песчанике. Вернувшись, он разбросал сосновые иглы на потревоженном песке. В этой клятой пустыне ничего не спрячешь. Пустыня говорит на многих языках, в том числе и раздвоенных.

Прошлой ночью он сильно поспорил с остальными по поводу такого разделения. Хейдьюк настоял на своем. Он хотел увидеть результаты их трудов, если таковые будут. Кроме того, он предлагал пройти пешком до следующего стыка с автотрассой и посмотреть, что он сможет сделать, чтобы свести на нет работу геодезистов. Приходит такое время в жизни мужчины, когда он должен вырывать вешки. Должен быстро уходить. Должен прекратить колебаться, прекратить отмерять семь раз, и начать резать — изгороди.

Он приготовил и съел свой скромный завтрак: чай с сухим молоком, вяленую говядину, апельсин. Сойдет. Усевшись поближе к огню, он прихлебывал свой чай. Химия: его мозги прояснились.

В большом рюкзаке, что лежал сейчас в изголовье его спальника, он нес недостаточно сухой провизии на десять дней пути. Плюс галлон воды, — остальную он найдет по дороге. Вынужден будет найти. А еще — топографические карты, средство от змеиных укусов, таблетки галазона, нож, непромокаемое пончо, запасные носки, сигнальное зеркало,

зажигалка, фонарик, длинная куртка с капюшоном, бинокль и т. д., револьвер и пятьдесят патронов к нему. Жизнь возвращалась.

Хейдьюк допил свой утренний чай и удалился под можжевельниковый куст. Выкопал ямку, присел на корточки и опорожнился. Проверил стул — безупречная структура. День обещал быть хорошим. Он вытерся можжевельниковой веткой с грубыми зелеными иглами, как делали в таких случаях индейцы — навахо, засыпал ямку песком и замаскировал ее ветками. Вернувшись к костру, который тоже был устроен в песчаной ямке, он прикрыл и замаскировал ее так же, как и прежнюю.

Он вычистил посуду — чашку и почерневший маленький чайник, — и упаковал их в рюкзак вместе со всем остальным снаряжением, кроме полевого бинокля и одной фляги. Теперь он был готов быстро ретироваться. Рюкзак, бинокль и флягу он отнес к гладкому камню у гребня и оставил их там на земле под прикрытием пинии. Снова взял можжевельниковый веник, которым он пользовался прежде, и уничтожил все следы своего пребывания здесь.

Окончив все дела, он взял бинокль и флягу и пополз на свой наблюдательный пункт на гребне горы. Там, под сенью цветущего горного шиповника, он улегся на живот и стал ждать. Горный шиповник пахнул, как флердоранж. Камень был уже теплым.

День будет жарким. Солнце взошло на безоблачном небе. Воздух был тих и спокоен, только от гребня, где лежал в ожидании Хейдьюк, поднималось легкое теплое дыхание. По солнцу он определили время: семь часов.

Наконец появились машины с рабочими. Покачиваясь, подпрыгивая на дороге, они подъезжали к рабочим площадкам, останавливались, высаживали своих пассажиров, возвращались. Наблюдая за ними в бинокль, Хейдьюк видел, как рабочие выпрыгивали, покачивая корзинками с едой, — их твердые шляпы блестели на солнце, — и залазили на сиденья своих машин. Он видел и дальнейшее движение — выбросы дизельного дыма там и тут. Некоторые машины завелись, другие — не завелись, или не могли завестись, или уж никогда не заведутся. Хейдьюк наблюдал с глубоким удовлетворением. Он знал то, чего водители еще не знали: проблемы будут у них у всех.

У трактора Катерпиллер капот не поднимается. Его просто нет. Становитесь на стальные траки гусеницы и прыгаете вниз, чтобы заглянуть в двигатель. Допустим, вас зовут Вилбер С. Шниц, и что же вы видите там в это солнечное утро в Ком Уош, Юта? Вы видите, что топливопровод ведет в пустоту, что пучок проводов зажигания четко разрезан пополам, инжекторы сбиты молотком, рулевые тяги перерезаны, воздушные и масляные фильтры отсутствуют напрочь, а шланги жестоко изуродованы, и из них капает жидкость. Чего вы не увидите — так это песка в картере и сиропа в топливном баке.

Или, допустим, вы — Дж. Роберт («Джейбоб»), и вы лежите на спине, заглядывая под днище своего 40-тонного тягача GMC Terex (доставшегося Абцуг), чтобы проверить двигатель. Вы видите гирлянды изуродованных, изрезанных гидравлических шлангов и топливопроводов — они болтаются над вашим лицом, сочатся, протекают, капая вам прямо в глаз.

По всей длине строительной площадки, с востока на запад, творилось то же самое. Все системы искалечены, переломаны, половина оборудования выведена из строя, остальная обречена. Догрызая полоску вяленой говядины, сжимая пальцы от удовольствия, Хейдьюк наблюдал сквозь стекла своего бинокля весь тот разлад, что творился внизу.

Солнце поднялось выше, вторгаясь в его тень. Да и вообще ему все это начинало надоедать. Он решил проложить некоторую дистанцию между собою и потенциальным линчевателем из Ком Уош. Потому что все, что он пока что знал или мог видеть внизу, — это отряд поклонников и заботливых приверженцев тракторов, фанатов тяжелых строительных машин, карабкающихся вверх по восточному склону по следам, которые наверняка оставили, — не могли не оставить, — прошлой ночью он и его друзья.

Он пополз с гребня вниз, не поднимаясь на ноги, и встал только тогда, когда полностью скрылся из глаз за кромкой горы. Здесь, в тени деревьев, он сделал большой глоток из своей фляги — зачем беречь воду, когда тело сейчас так нуждается в ней, — спрятал ее в боковой карман рюкзака, закинул его на плечи и зашагал на север, прочь от этой строительной площадки, от этой будущей автомагистрали, к старой дороге. Он хотел проскользнуть через Ком Уош, спуститься с его западного склона и выйти прямо на полосу отчуждения. Пять миль? Десять? Этого он не знал.

По дороге Хейдьюк прилагал все усилия, чтобы не ступать на песок, а оставаться на песчанике. Никаких картинок, никаких следов. Когда ему нужно было пересечь участки песка или мягкого грунта, он поворачивался и шел спиной вперед, чтобы запутать следы.

Значительную часть пути ему удавалось идти по голому камню, по гладкой, слегка округленной поверхности осадочных пород геологической формации Уингейт. Хорошая, добротная, плотная порода, осевшая, сцементированная и окаменевшая около двадцати пяти миллионов лет назад, если верить фантазиям геоморфологов.

Он не знал, преследуют его или нет. Но когда он услышал гудение самолета, летящего по направлению к нему, он быстро нырнул в тень ближайшего дерева и притаился там, не глядя вверх, пока самолет не скрылся из поля зрения и слуха. Тогда он пошел дальше.

Чертовски жаркий день, думает Хейдьюк, на ходу вытирая пот с носа, с густых своих бровей, чувствуя, как пот стекает от подмышек по ребрам. Но ему было приятно снова быть на марше; ему приятно было чувствовать запах чистого, жаркого воздуха пустыни, ощущать в ушах легкий шелест тишины; ему нравился вид далеких столовых гор мерцающих в мареве горячих волн пустынного воздуха, радовали глаз блики солнца на красном камне.

Он шел широким шагом по бульвару из песчаника, среди можжевельника и пиний, медленно выделяющих свой смолистый сок, в обход островков песка и — у-ух! — едва не врезался в гнездо острых лезвий юкки с иглами по краям. Обходя это неожиданное препятствие, опираясь на пятки, чтобы придать своим шагам более естественный вид, он пятился задом наперед, пока не добрался до удобного, прочного песчаника, и, развернувшись в нормальную позицию под неверным укрытием пустынных небес, продолжал двигаться вперед.

Через некоторое время, остановившись в тени, он снял с плеч свою ношу, свой Камень — свой тяжеленный рюкзак — и снова попил воды. Осталось всего две кварты.

Полуденное солнце висело высоко в небе. Когда в поле зрения появилась старая дорога — первоначальная грунтовая дорога, ведущая из Блендинга в Хайт, он выбрал удобный плоский камень в тени можжевельных деревьев, улегся на нем, подложив под голову свой рюкзак вместо подушки, и уснул.

Он проспал три часа, не без сновидений, — три самых жарких послеполуденных часа.

Он мог бы поспать и дольше, — ведь он по-настоящему здорово устал, — но его мучила жажда, мешали спать пересохшее горло и шершавый, сухой язык. Поэтому, когда по дороге проехал грузовик, рыча на низкой передаче на длинном крутом подъеме, ведущем к строительной площадке, он проснулся.

Первое, что он сделал, проснувшись, — выпил полкварты воды. Съев немного вяленой говядины, он присел в тени, ожидая темноты. Когда стемнело, он погрузил на себя свой непомерный рюкзак, и пошел вниз по дороге, через старый проход, давным-давно пробитый в горном кряже. Этот обходной путь вокруг Ком Уош длиною в тридцать миль был единственно возможным способом спуститься с гребня кряжа к аллювию и добраться до его противоположной стороны. Если бы он захотел спускаться прямо вниз со скалы, ему понадобился бы канат длиною с тысячу футов.

Идя по дороге, спрятаться в случае нужды, если бы по ней было какое-нибудь движение, было бы особенно негде; но никто не появлялся. Дорога была пустынной, какой она, наверное, была полстолетия назад. Придя к аллювию, он наполнил свои фляги из ручья теплой водой, бросил в них таблетки для ее очистки и дезинфекции и отправился дальше.

Он добрался до перевала за Ком Уош, сошел со старой дороги и пошел дальше на юг, ориентируясь по звездам. Он пытался идти по водоразделу между двумя водосборными системами, что было не так-то легко в темноте, в далекой глубинке, в той ее части, где он никогда прежде не бывал.

Он прикинул, что прошел за день не менее десяти миль, вверх-вниз по горам, с шестидесятифунтовым рюкзаком за спиной. Он снова чувствовал усталость. Опасаясь проскочить в темноте полосу отчуждения строящейся автодороги, на которой не было пока ничего, кроме вешек геодезической разметки, он решил остановиться и подождать рассвета. Он нашел более или менее горизонтальную площадку, открытую на восток, сбросил с нее несколько камней, развернул спальник и мгновенно заснул сном без сновидений, сном сильно уставшего человека.

Прохладные утренние сумерки. Сойки кричат в пиниях. На востоке разворачивается жемчужно-кремовая лента ...

Хейдьюк проснулся, позавтракал на скорую руку, быстро сложился и двинулся в путь. Он шагал по уступам песчаника, вокруг истоков десятков сухих русел, к полосе отчуждения строящейся дороги.

Он увидел колышки геодезической разметки, вбитые в землю. Розовые полоски, как ленточки, болтаются на ветвях деревьев. На более длинных вешках, сделанных из брусков обрешетки кровли и установленных ровно через сто ярдов одна от другой, также висят ленточки. Деревья с обрубленными ветвями, — чтобы геодезисту был четко виден створ по прямой, и чтоб был проезд для джипа изыскателей. Подъезжающие и отъезжающие грузовики ехали прямо по земле.

В обе стороны вид был почти одинаков. Хейдьюк находился слишком далеко на западе, чтобы увидеть состояние дел на строительной площадке или услышать шум работающих машин. Только покой и тишина, да шорох ветерка в можжевельнике, да утренний зов траурного голубя.

Хейдьюк переждал часок в тени пинии неподалеку от полосы отчуждения, чтобы убедиться, что никакой враг не подкрадывается где-нибудь поблизости. Он не услышал никого. Когда солнце взошло над горизонтом, он принялся за работу.

Прежде всего он спрятал свой рюкзак. Затем пошел на восток, по направлению к строительной площадке, выдергивая каждый колышек, каждую вешку, обрывая все ленточки вдоль северного рукава будущей дороги. По дороге обратно он очистит и южный рукав.

Преодолев подъем, он вышел на верхнюю точку, с которой был виден просвет в хребте Ком Ридж, сделанный руками человека, и большая насыпь внизу. Хейдьюк нашел удобный наблюдательный пункт и приложил к глазам бинокль.

Как он и ожидал, часть оборудования ремонтировали. По всей длине строительной площадки он видел хлопчущих людей, ползающих вокруг своих властелинов — машинам, внутри и снаружи них, заменяя топливопроводы, сваривая тяги, сплетая провода, устанавливая новые гидравлические шланги. Обнаружили ли они уже пробитые масляные фильтры, песок в картерах, сироп в топливных баках? Оттуда, где он лежал, сказать было невозможно. Но многие машины простаивали, и к ним никто не подходил, — у них был безнадежный, покинутый вид.

На мгновение Хейдьюка охватило искушение спуститься туда, вниз, и попросить работу. Если ты относишься серьезно к этому «бизнесу деревянных башмаков», сказал он себе, сходи к парикмахеру — постригись, сбрей бороду, прими душ, надень чистую, приличную рабочую одежду и получи работу, какую-нибудь работу, любую работу в самой строительной компании. А потом — сверли ее изнутри, как благородный червь.

Эти идеи увяли, когда он обнаружил в бинокль пару вооруженных людей в форме — пистолеты, сапоги, погоны, значки, плотно облегающие рубашки с тремя острыми заутюженными складками на спине. Он наблюдал за ними с особым интересом.

Надо было оставить им какой-нибудь ключик, чтобы пристегнуть к нему их внимание. Вроде пуговицы «Свободу Джимми Хоффа». Или «Думай о Хопи», или «Вайнос — за мир». Он попытался придумать что-нибудь новенькое, что-нибудь таинственное, головоломку — предупреждение, не слишком умную, не слишком очевидную, но привлекающую. Но не смог,

поскольку был он скорее разрушителем, чем созидателем. Он повесил бинокль на шею и хлебнул глоток воды из фляги. Скоро придется снова побеспокоиться о воде.

Он встал и пошел обратно по южной стороне полосы отвода, параллельно прежнему своему маршруту, вырывая колышки и вешки, забрасывая их далеко в кусты, как и по дороге сюда, срывая ленточки и заталкивая их в норки сусликов, негромко посвистывая за всеми этими занятиями.

Достав свой рюкзак из тайника, он продолжал работать, как и прежде, с той только разницей, что теперь он делал это, двигаясь зигзагом, по обе стороны полосы отвода, с тем чтобы очистить их полностью по дороге назад.

Хейдьюк устал, ему было жарко, его томила жажда. Мошкара плясала свой молекулярный танец в рассеянной тени деревьев, кусала его за лоб, лезла в глаза, пыталась залезть за воротник. Он смахивал ее, игнорировал, трудился дальше. Солнце поднялось выше, обливая своими лучами его тяжелую голову и знаменитую сильную спину Джорджа Хейдьюка, про которую его капитан однажды с гордостью сказал, что «такая спина выдержит любой рюкзак». Он шагал дальше, быстро срывая ленточки, выдергивая колышки, и не забывая при этом глядеть во все глаза и держать ухо востро, чтобы заметить любую опасность.

Следы джипа уводили на север, по камням и через кусты. Но вешки и флажки продолжали идти прямо вперед. Хейдьюк шел за ними, терпеливый, решительный потный мужчина, делающий свое дело.

Неожиданно он оказался на каменистом гребне следующего каньона. Скромное ущелье, всего пару сотен футов высотой от гребня до галечниковой осыпи внизу. Противоположная стена этого каньона отстояла на четыреста футов, и по ней колышки, и вешки, и флажки продолжали весело шагать на северо-запад. Значит, через этот каньон они собираются перебросить мост.

Уточним — это был небольшой и мало кому известный каньон. По дну его бежал неприметный ручеек, мигрируя по песку ленивыми излучинами, задерживаясь в лужах под ярко-зеленой листвой тополей, спадая через край каменного выступа вниз, в маленькие бассейны. В нем едва ли хватало воды даже весной, чтобы напоить местное население — пятнистых жаб, краснокрылых стрекоз, одну-две змеи, маленьких крапивниц — обитательниц каньона, — ничего особенного. Приятный каньон, но не великий каньон. И все же, Хейдьюк был против. Он не хотел, чтобы здесь был мост — никогда; ему нравился этот маленький каньончик, которого он прежде никогда не видел, даже имени которого он не знал. Он был достаточно хорош вот таким, каким он был. Хейдьюк не видел здесь нужды в мосте. Он опустил на колени и написал на песке обращение ко всем строителям дороги: «Убирайтесь домой».

Подумав немного, он добавил: «И никакого идиотского моста, пожалуйста».

Подумав еще немного, он дописал к этому свое тайное имя: «Рыжий Рудольф».

Через мгновение он вычеркнул эту подпись и поставил другую: «Сумасшедший конь». Лучше не называть себя точно.

Он их предостерег. Что ж, так тому и быть. Он вернется, Хейдьюк, с остальной командой или без, но достаточно вооруженный в следующий раз, то-есть, с таким сабо — деревянным башмаком, которого хватит, чтобы снести этот мост до основания.

Он пошел вдоль гребня дальше на север, к истоку каньона, высматривая место, где бы его пересечь. Если бы он такое место нашел, это сэкономило бы ему не одну милю пути.

Нашел. Пинии и можжевельник растут по самому краю, пониже — удобная терраса, дно каньона не так уж глубоко — всего 150 футов вместо 200. Хейдьюк вынул из рюкзака канат — 120 футов четвертьдюймового нейлонового шнура, — размотал его и укрепил петлей за ствол ближайшего дерева. Держась за канат левой рукой, контролируя его свободный конец правой, он откинулся назад и повис там на мгновение, наслаждаясь ощущением победленной силы тяжести, а затем ловко спустился на ближайший уступ.

Со второго уступа он уже мог добраться до дна каньона. Он спустил свой рюкзак на землю на канате, а сам сполз, цепляясь за выступы скалы, на песок у основания стены.

Наполнив снова свои фляги водой из ручья, стекавшего по рельефной естественной канавке в розовом ложе каньона, он хорошенько напился и передохнул немного в тени, подремывая. Солнце перемещалось в небе, и его лучи, свет и тепло добрались до Хейдьюка. Он проснулся, попил снова, нацепил рюкзак и стал карабкаться по высокому откосу в проломе западной стены каньона. Пролом завершался крутым обрывом в двадцать футов высотой. Он снял рюкзак, привязал к нему канат и пополз к гребню, привязав другой конец каната к поясу. Взобравшись наверх и вытянув рюкзак, он опять передохнул немного и пошагал на юг вдоль кромки каньона, снова к полосе отчуждения.

Всю вторую половину дня он осуществлял свой проект, двигаясь к северо-востоку, к солнцу, сводя на нет терпеливую, квалифицированную работу четырех специалистов, сделанную ими за месяц. Всю вторую половину дня, захватив и вечер, он тяжело и безостановочно продвигался вперед, зигзагом, туда и назад, вырывая вешки, срывая ленточки. Высоко над головой пролетел самолет, оставив на небе свой белый след, не ведая ничего ни о Хейдьюке, ни о его работе. Только птицы наблюдали за ним, — сойки, горные голуби, сокол, терпеливые канюки. Однажды он спугнул оленей — шесть, семь, восемь самок с тремя пятнистыми детенышами — и следил за ними, пока они не скрылись в кустарнике. Он наткнулся на небольшое стадо коров, они неохотно встали при его приближении — полудикие, полудомашние, — поднимаясь сначала на задние ноги, а затем уж опираясь на передние. По крайней мере, эта нетронутая природа еще долгое время будет манить к себе человека, неравнодушного к ней.

Когда исчезнут города, думал он, и затихнет весь этот гвалт, когда подсолнух прорастет сквозь бетон и асфальт забытых и заброшенных автострад, когда Кремль и Пентагон превратят в лечебницы для престарелых генералов, президентов и прочих негодяев, когда небоскребы Феникса из стекла и алюминия будут едва видны из-под песчаных дюн, может,

тогда, может, тогда, Господи, ну может быть тогда свободные мужчины и дикие женщины — всадницы, свободные женщины и дикие мужчины верхом на лошадях будут странствовать на воле по диким землям страны каньонов, загоня дикий, еще не прирученный скот, пировать сырым кровавым мясом и кровоточащими внутренними органами, и танцевать всю ночь под музыку скрипок! банджо! гитар! под сиянием новорожденной луны! — о, Господи, да! Пока, подумал он с тоской, горечью, и с печалью, пока не наступит следующая эра оледенения, и железный век, и снова вернуться эти чертовы инженеры, и фермеры, и генералы.

Так фантазировал Джордж Хейдьюк. Верил ли он в циклическую теорию развития истории? Или линейную теорию? Вряд ли можно представить себе, что он стал бы твердо придерживаться какой-то одной точки зрения в этих вопросах; он колебался, и качался, и кренился время от времени то к одной позиции, то к другой. Какого хрена, к чертовой матери, мог он сказать в затруднительной ситуации, и сорвать крышку с очередной банки пива, и оросить зубы, и омочить желудок, и отравить кишечник, и растянуть мочевого пузыря содержимым следующей банки «Шлиц». Бездна надежды случай.

Солнце садится: кроваво-красный первобытный закат распластался по всему западному краю небосклона, как пицца. Хейдьюк зажал между зубами полоску вяленой говядины и продолжал свою работу до тех пор, пока уж не мог видеть ни вешек, воткнутых в землю, ни ленточек на деревьях, и темнота вынудила его считать этот рабочий день законченным. Он проработал от зари до заката, или, как говорил его отец, «от не могу видеть до не могу видеть», или «от темна до темна».

Он прошел за этот день никак не меньше двадцати миль. По крайней мере, боль в конечностях, отеки стопы говорили именно об этом. Он съел свой ужин и заполз в спальник, глубоко в кустах, как ему показалось, и мгновенно отключился от мира забот.

На следующее утро он проснулся поздно, сразу вскочил от рева пронесшегося мимо, совсем рядом, автомобиля или грузовика. Нетвердо стоя на ногах, он поднялся наверх и обнаружил, что находится всего в пятидесяти ярдах от дороги. Спросонок он не сразу сообразил, где он. Он протер глаза, натянул брюки и ботинки и прокрался под прикрытием деревьев до ближайшего пересечения дорог. Прочел дорожный указатели: ОЗЕРО ПАУЭЛЛ 62; БЛЕНДИНГ 40; НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ НЕЙЧЕРАЛ БРИДЖИС 10; ХОЛЛЗ КРОССИНГ 45.

Отлично. Почти дома.

Он вырвал последние несколько вешек, сдернул последние несколько ленточек, проскользнул через дорогу и двинул напрямик, без дороги, через невысокий лесок к Нейчерал Бриджис. В этом относительно надежном укрытии — за каньоном Армстронга, на тропе из Овачомо Нейчерал Бридж, он надеялся, банда ожидает его, смешавшись с толпой туристов в кемпинге на официальной, специально для него отведенной площадке. Таков был их план, и Хейдьюк шел с опережением графика на двадцать четыре часа.

Он схоронил последний пучок кольев и ленточек под камнем, приладил рюкзак и зашагал напрямик через лесную поросль. У него не было компаса, он полагался на топографические

карты, свое безошибочное чувство направления и свою чрезмерную самоуверенность. Однако они не подвели. К четырем часам дня он уже сидел на откидном борту грузовика Смита, прихлебывая пиво, уминая сконструированный Абцуг сэндвич с ветчиной и обмениваясь рассказами с командой — Хейдьюк, Сарвис, Абцуг Смит: могла бы быть неплохая брокерская фирма.

— Джентльмены и леди, — вещал Док, — это только начало. Главные дела впереди. Будущее лежит перед нами, распростертое, как коронарный сосуд, на навозной куче Судьбы.

— Мудрено вы говорите, Док, — замечает Смит.

— Нам нужен динамит, — бубнит Хейдьюк с полным ртом. — Термит, четыреххлористый углерод, магниевые опилки...

В это время Абцуг, высокомерная и очаровательная, улыбается своей сардонической улыбкой.

— Слова, слова, слова, — говорит она. — Вечно только их и слышишь. Слова, слова, слова.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 03:59:54

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:00:13